



«Эй, мужик, в лесу елочка родилась!»

– считал, что это подходящая мне независимая работа (в то время так оно и было). Это не был знак протеста, я просто понял, что это не мое. И до сих пор у меня есть это нежелание быть актером. Мои родители мечтали, чтобы я стал врачом. Я чувствую это. Ведь это тоже требует таланта. Я только не могу кровь видеть. Трушу, убегаю. Все это как-то смешалось во мне, я хотел и на психологию пойти, и врачом стать. В то время такие понятия, как экстрасенс, психоаналитик, были просто не в ходу. Тогда психфак МГУ был чуть ли не под большим секретом, первый курс набирали.

– И вы стали таксистом?
– Нет. Через полгода сидения на шее у родителей (я ничего не делал, и мне было очень стыдно) меня позвал Завадский. Как сейчас помню: я вошел и с верхнего яруса смотрел, как репетируют «Дальше – тишина» Плятт и Раневская. Может быть, я сейчас крамолу скажу. В тот момент для меня Театр Моссовета был никакой. Я даже хотел повернуться и уйти. Актеры ходили по сцене и просто разговаривали. А я пришел из детского театра, где надо обязательно что-то делать, иначе на тебя просто не обратят внимания... На что вы настроиваетесь, то вы в итоге и получаете: от карнавала – карнавал, от крематория – крематорий. Я понял, что я никакой не артист, и до сих пор, наверное, так и считаю. Поскольку драматический театр мне был неинтересен изначально.

Арлазоров пришел в звездный театр, в котором играли Мордвинов, Марецкая, Раневская, Плятт, Жженов, Марков, Орлова, Муравьева, Неелова, Бортников... Он полагает, что они никогда не считали его своим. Он был независимым, почти чужим для них. Хотя бы потому, что никогда не ходил и не просил ролей. Из того репертуара ему практически ничего и не хотелось сыграть.

– Неужели вы проработали в Театре Моссовета 35 лет?

– Да, я никуда не уходил и ничего в нем не играл, за исключением одного аншлагового спектакля «Шум за сценой». Это был почти эстрадный спектакль. Много лет эта пьеса с успехом шла на Брод-

вее. Там нужно было уметь и играть, и НЕ играть на сцене – это как раз то, что есть в эстраде. Почему мне нравится эстрада как жанр? Потому что она честна. Ты не ходишь за кулисами по три часа, вживаясь в образ. Хотя неважно, это уже другая моя теория... Я 8 лет играл спектакль «Шум за сценой» с аншлагами. И это уже был момент, когда Арлазоров стал фамилией.

– Сейчас не хотите вернуться на сцену драмтеатра? Мне кажется, вы бы замечательно вписались в подвижный организм антрепризы.

– Меня звали много раз. Но я не пойду, мне там скучно. Я должен быть один. Я одинокий волк. Все говорят, что будущее за театром, хотя очевидно, что театр практически весь уже перешел в эстраду. Вы посмотрите, все со сцены спускаются в зал. Не буду повторяться, но все, что я когда-то кому-то рассказывал, я уже вижу реализованным в разных вариантах.

Утесов и Райкин

– Я всегда любил эстраду. И подтолкнул меня к этому пути Аркадий Райкин. Для меня этот артист был и всегда будет эталоном, богом. Я работал в театре и никакого отношения к эстраде не имел, а нашел меня Утесов. Он на всю жизнь показал мне, что такое суперинтеллигентный человек. Это был действительно гений, из которого все вышло. И Райкин из него вышел. Он привел в Россию джаз, он пел, бил степ, был эстрадным и киноартистом. В ВТО был вечер Ростислава Плятта, я изображал Капуралова из «Кинопанорамы». В этой маске я импровизировал, задевая при этом и настоящих тузов, прошедших на вечер. И в конце Утесов подошел ко мне и позвал к себе домой. Я очень боялся, я дрожал. Ведь меня никто не знал. Я просто делал какие-то пародии. Но ни на секунду я не почувствовал, что, во-первых, я у него в гостях, во-вторых, что он – Утесов, а я – никто и всему должен учиться. В третьих, он, раскрыв рот, слушал все, что я говорил. «Я уже больше ничего не могу», – говорил я. «Нет», – отвечал он, – если ты можешь это – значит, ты можешь что-то еще».

И он подтолкнул меня, драматического актера, на Шестой конкурс артистов эстрады. Председателем жюри был Аркадий Райкин. И я стал лауреатом, и для эстрадника это было равносильно получению «народного» Советского Союза для театрального артиста.

Незафиксированное смехосозревание

– Ваше отношение к «Аншлагу»? Или мне лучше об этом не спрашивать?

– У меня нет никакого отношения к «Аншлагу» как к передаче. Потому что тем людям, которые в ней снимаются, она приносит популярность, а значит, концерты, а значит, деньги. Поэтому я не могу говорить о ней то, что я хочу сказать. В ней, к сожалению, участвуют и молодые артисты, которым некуда деваться. Это тема, которую я мог бы развить, но не хочется.

– И мне не хочется. Давайте о смехе поговорим. Меня, например, очень просто насмеять, почему же я так редко смеюсь?

– Я тоже редко смеюсь, когда смотрю эти передачи. У меня всплески смеха бывают редко, но бывают. Значит, у каждого человека этот рецептор смеха расположен в разных местах – выше, ниже, дальше, ближе... Я никогда не думаю над тем, в какие моменты я смеюсь.

– Вы не фиксируете эти моменты?

– Зачем же себя фиксировать? Вы же будете фиксированная. Чем меньше вы будете фиксироваться, тем больше будете смеяться. Зачем вы думаете, над чем вы смеетесь и когда?

– Надо же видеть себя со стороны...

– Это ужасно. Надо с себя это снимать. Так же как нельзя репетировать, глядя в зеркало. Многие артисты это делают, но этого делать нельзя. Запрещено.

– А как же репетировать?

– Я вообще репетировать не умею. Я склоняюсь к тому, что репетировать не надо. Обезьяну можно выдрессировать для работы в цирке, а человек должен быть подготовлен на совершенно другом внутреннем уровне.

– Вы поставили себе рискованную задачу. Вы обращаетесь к незнакомому человеку и не знаете, как он поведет себя в качестве «левого крыла самолета». Не страшно?

– Конечно, страшно. Даже после маленького выступления я выхожу весь мокрый. Потеешь так, как потеет хирург во время сложной операции на сердце, а не на аппендиксе. Это сложно, ведь ты не знаешь, как и кто будет с тобой общаться. Сейчас просто «на аппендицит» я не соглашусь. И это заметно по моим последним появлениям на ТВ. И на концертах я стараюсь делать ту операцию, которая мне кажется интересной и сложной. Если говорить о смехе, то все это операция на душе, а где она расположена, эта смеховая зона, на сердце или в животе, я не знаю. Аппендицит – это операция простая, ты выходишь и рассказываешь анекдот. И ты знаешь, что люди, которые не слышали этого анекдота, обязательно рассмеются. Тут провалов быть не может. Ты даешь наркоз, вспарываешь брюшину и отрезаешь слепую кишку, то есть ты пошлешь анекдот рассказываешь в присутствии дам, и они смеются, а ты кумир, если анекдота они не знают. Хуже, если знают, тогда это перитонит – ты прокололся.

– Бывает так, что профессия не позволяет человеку жить, как ему хочется. А у вас?

– Она мне помогает жить. Во-первых, я делаю то, что я хочу, во-вторых, то, что я делаю, мне нравится. Вот вы сказали вначале, что я немножко революционер... А ре-

волюции нужен все время какой-то лозунг. Например: «Перестаньте стоять у микрофона, идите в зал!» Все пошло в зал. Теперь нужен новый лозунг. Поэтому мне мешает жить не моя работа, а, может быть, непонимание того, что надо делать дальше, чем сменить. Ну, сделал я три новых монолога, но мне это не интересно. Я всегда делал то, чего не было. Поэтому я и был не из табуна: ни из эстрадного, ни из театрального и ни из телевизионного. Я не считаю себя выше, лучше, гениальнее других, но я могу позволить себе быть в ладу с самим собой. Жить как-то надо, но мне кажется, что не должно быть стыдно. Я считаю нормальным работать в клубах и ресторанах, а людям, которые работают в моем жанре, неудобно работать перед стучащими тарелками. А мне не стыдно, мне интересно: смогу я победить их или нет, оторвутся они от тарелок или нет? Это очень трудно, но мне интересно... Один мой педагог в Шуйкинском училище, Юрий Стромов, однажды сказал: «Ян, запомни, что актерская судьба – это марафонский забег, и тот, кто выиграл на первых двух, трех, пяти кругах, не обязательно придет первым к финишу». Надо уметь ждать, уметь держать дыхание, уметь бежать, и даже если ты отстал на целый круг, нужно набраться сил, чтобы продолжить бег.

Под маской Зорро

– Я знаю, что благодаря вашей радиопрограмме «Арлазоро» «Автордио» перемахнуло по рейтингу с 14-го места на 4-е за каких-то полгода.

– «Арлазоро» пользовалась популярностью сумасшедшей. Все таксисты, водители на стоянках, вокзалах, улицах и площадях слушали эту передачу. С вопросом, почему ее закрыли, обращайтесь в «Автордио». Это был прямой эфир, в котором я сводил людей. Я и сам не представлял, что может быть такое чудо. Это была народная скорая помощь в прямом эфире. Я делал людям машины, отправлял желающих во Францию... Это был суперпроект, достойный Нобелевской премии. Начиналось все с советов. Звонит один и спрашивает: «Что мне делать, у меня на даче кроты?» Ему отвечают: «Надо воды

в луночки налить»; другой советует: «Асфальтом закатай весь участок – и никаких кротов не будет». Через две недели перезванивают те две девушки, что хотели в Париж: «Здравствуйте, а мы были во Франции. Нам купил путевки один директор ресторана и ничего не попросил взамен». Звонит человек и говорит: «Ян, я – афганец, у меня болен ребенок, ему нужно сделать операцию, я готов продать свою почку». Через две передачи мы узнали о том, что деньги нашлись. Потом звонит женщина как-то не очень трезвая, говорит: «Мой ребенок в такой-то больнице, нужна кровь». И этот парень-афганец собрал всех своих ребят, чтобы собрать кровь этому ребенку, и сказал мне: «Я помню, что сделал ты для меня». Вы не представляете, что это было... Инвалиду – участнику войны дали «Запорожец», он поставил его под окнами, у него сняли все четыре колеса, он сам попал с инфарктом в больницу. Старика завалили покрывалками. Эта передача поставила на уши всю страну, и я не понимаю, почему ею никто не заинтересовался. Я больше говорю про это не хочу. (Арлазоров резко встал и ушел к плите.)

– Вы не боролись за передачу?
– Я что, похож на борца? Это я им нужен, а не они мне. Это они меня звали.

Постижение пострижения заслуженного артиста России Яна Арлазорова

– Тогда скажите нам тост.
– Тост? Бывают заученные тосты. Но для вас... Давайте выпьем за то, чтобы от вас ушел этот момент бесконечного контроля над собой, чтобы в период полового созревания вы перестали постоянно думать, как вы выглядите, сколько вы весите. Это очень сложная наука, к этому надо идти. И я шел к этому. И когда вы сможете, не думая, побриться наголо, не приезжать на приемы на «Линкольне» и не думать о том, какой марки ваши часы, тогда вы почувствуете себя свободным человеком. Конечно, это может не получиться в наступившем году или даже в следующем... К этому можно идти всю жизнь...



Гламур по-Арлазоровски